

Глава первая

Жарким днем в самом начале июля Кора Бендер решила умереть. Прошлой ночью она занималась любовью с Гереоном. Они делали это регулярно, вечером в пятницу и субботу. Кора не могла ему отказать, ведь она прекрасно знала, как сильно он в этом нуждается. Кроме того, она любила его. Это была не просто любовь, а еще и благодарность и безусловная преданность — нечто всеобъемлющее.

Благодаря Гереону Кора смогла стать нормальной женщиной и поэтому хотела, чтобы он был счастлив. Раньше она наслаждалась его нежностью, однако за последние полгода все изменилось.

Именно в сочельник Гереону пришла в голову идея поставить в спальне радио. Ночь накануне Рождества должна была стать особенной. В этот день исполнялось два с половиной года с тех пор, как они поженились. Их сыну было уже восемнадцать месяцев.

Гереону было двадцать семь лет, Коре — двадцать четыре. Он был почти метр восемьдесят ростом, стройный, подтянутый, несмотря на то, что не занимался спортом — ему не хватало на это времени. В детстве волосы у него были белокурыми и только с возрастом немного потемнели. Лицо Гереона нельзя было назвать ни красивым, ни уродливым, оно было самым заурядным, да и сам он был вполне обычным человеком.

Во внешности Кору Бендер тоже не было ничего примечательного, если не считать шрамов на лбу и локтевых

сгибах. Отметина на голове была следствием несчастного случая, а узловатые рубцы на руках — результатом серьезного воспаления, развившегося после того, как во время лечения в больнице ей сделали укол инфицированной иглой. Так Кора сказала Гереону. Еще она сказала, что подробностей не помнит. И это было правдой. Врач тогда заметил, что при тяжелых черепно-мозговых травмах часто случается потеря памяти.

В ее жизни была дыра. Грязная, темная глава. Кора знала об этом, хоть у нее и не было собственных воспоминаний. Несколько лет тому назад она каждую ночь проваливалась в темноту. Последний раз это случилось четыре года назад. (В то время Кора была еще не знакома с Гереоном.) Тогда ей каким-то образом удалось заткнуть эту дыру. Но потом случилось *это* — и именно в сочельник. С тех самых пор, как Кора вышла замуж, она не думала, что может снова туда провалиться.

Поначалу все было хорошо: негромкие рождественские мелодии и ласки Гереона, постепенно становившиеся все более настойчивыми. Затем он медленно скользнул вниз, и Коре стало неприятно. А когда Гереон зарылся лицом у нее между ног и она почувствовала прикосновение его языка, музыка зазвучала громче. Кора слышала перестук барабанов, бас-гитару и пронзительные звуки органа — лишь на долю секунды, в следующее мгновение все стихло. Но этого оказалось достаточно.

Что-то внутри нее сломалось — или взломалось, словно надежно закрытый сейф, который кто-то решил обработать сварочной горелкой. Ощущение было нереальным, как будто она уже не лежала в своей постели. Кора чувствовала спиной твердую поверхность и что-то во рту, словно очень толстый палец прижал ее язык, вызывая совершенно нестерпимую тошноту.

Она машинально приподнялась, стиснув шею Гереона коленями. Еще чуть-чуть, и она сломала бы ему позвонки

и задушила бы его. Однако Кора даже не заметила этого — так далеко она была в тот миг. И только когда муж, хрипя, ущипнул ее за бок, впившись пальцами в мягкую плоть, боль заставила ее очнуться.

Герееон с трудом переводил дух.

— Ты что, с ума сошла? Что ты делаешь? — Кашляя и ощупывая горло, он смотрел на Кору.

Ее реакция была ему непонятна. Да она и сама не знала, что ее так испугало. Но Коре стало жутко. На секунду ей показалось, будто она ощущает дыхание смерти.

— Просто мне это не нравится, — отозвалась Кора, раздумывая о том, что же именно она услышала.

Музыка продолжала звучать, негромкая, нежная. Детский хор пел: «Тихая ночь, дивная ночь! Глас с небес возвестил: радуйтесь, ныне родился Христос». А что еще могло звучать в такой вечер?

Из-за столь неожиданной реакции жены у Герееона пропало желание. Он выключил радио, затем свет и натянул на плечи одеяло. И даже не пожелал Коре спокойной ночи, лишь проворчал:

— Ну что ж, нет так нет!

Он быстро уснул. Позже Кора не могла сказать, уснула ли вместе с ним. В какой-то момент она вдруг осознала, что сидит на постели, размахивает кулаками и кричит:

— Прекратите! Отпустите! Отпустите меня! Перестаньте, свиньи!

При этом у нее в ушах грохотали барабаны, повизгивала бас-гитара и надрывно стонал оргán.

Герееон проснулся, схватил ее за руки, встряхнул и тоже закричал:

— Кора, успокойся! Что с тобой?

Но она никак не могла очнуться. Кора сидела в темноте и отчаянно боролась с чем-то, что медленно приближалось к ней, с чем-то, что, как она знала, должно было лишить ее рассудка.

Она пришла в себя лишь после того, как Гереон несколько раз ударил ее по щекам. Он хотел знать, что с ней происходит. Не причинил ли он ей вреда? В голове у Кору все еще не прояснилось, и она не могла ему ответить, а лишь сидела на постели и таращилась на мужа. Через несколько секунд Гереон снова лег. Кора последовала его примеру, повернулась на бок и попыталась убедить себя в том, что ей приснился кошмар.

Однако следующей ночью, когда Гереон решил наверстать упущенное, это случилось снова, несмотря на то что теперь в спальне не было радио и он даже не пытался доставить ей «особенное удовольствие». Сначала в ушах у Кору зазвучала музыка, чуть громче и дольше — достаточно долго, чтобы она смогла понять: эту мелодию она никогда прежде не слышала. А затем Кора провалилась в черную дыру, из которой выбралась, крича и отбиваясь от чего-то невидимого. Ей удалось очнуться только тогда, когда Гереон встряхнул ее и стал бить по щекам, называя по имени.

В первую неделю января это произошло дважды, во вторую — один раз. Тогда, в пятницу, Гереон слишком устал. А в субботу он заявил:

— Мне начинает надоедать эта комедия.

Возможно, именно этим объяснялась его усталость в пятницу.

В марте Гереон настоял на том, чтобы Кора пошла к врачу.

— Ты должна признать, что это ненормально. Пора наконец что-то сделать. Или теперь так будет всегда? Тогда я лучше переберусь на диван.

К врачу Кора не пошла. Он наверняка спросил бы, нет ли у нее объяснения этому странному кошмару и почему это происходит именно тогда, когда Гереон с ней спит. Врач, наверное, попытался бы заглянуть в черную дыру и принял бы убеждать Кору в том, что она должна что-то осознать. Он не понял бы, что бывают вещи, которые страшно осознавать. Кора решила попытать счастья в аптеке. Ей порекомендовали слабое снотворное. Как бы там ни было,

с его помощью ей удалось добиться того, что крики и размахивания руками прекратились. Гереон решил, что все наладилось. Однако это было не так.

Ситуация ухудшалась. В мае дошло до того, что вечером в пятницу страх медленно разрывал Кору изнутри. В начале июля вторая половина пятницы превратилась в ад.

Кора сидела в кабинете, представлявшем собой не что иное, как отгороженный от остального склада уголок. Над письменным столом горела лампа, рядом стоял факс, на котором отображались дата и время.

Четвертое июля, шестнадцать пятьдесят! Десять минут до завершения рабочего дня. И примерно пять часов до того момента, как Гереон протянет к ней руки. Больше всего на свете Коре хотелось бы остаться здесь до понедельника. Пока она сидит за столом, она старательная и умная, она — душа и сердце фирмы свекра.

Это было семейное предприятие: она, Гереон, его отец и один наемный работник, Манни Вебер. Монтажная фирма, отопление и вода. Без Кору уже нельзя было обойтись. Она гордилась достигнутым положением, однако ей нелегко было отвоевать это место в служебной иерархии.

На следующий день после свадьбы свекор потребовал, чтобы Кора взяла на себя делопроизводство. И даже слушать ничего не захотел.

— Что значит «не умею»? Глаза ведь у тебя есть? Полистай книги — и научись. Или ты думала, что будешь бездельничать?

Бездельничать было не в правилах Кору, и она сказала об этом старику. Он кивнул.

— Значит, тут и говорить не о чем.

Прежде свекру приходилось после завершения рабочего дня самому заниматься бумагами: его жена могла лишь отвечать на телефонные звонки. Да и Кора поначалу мало что умела.